

УДК 343.85

ТРАКТОВКИ АСОЦИАЛЬНОЙ ДЕВИАНТНОСТИ И ДЕЛИНКВЕНТНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. Ф. Лелюх, Л. В. Чванова

TREATMENT OF ASOCIAL DEVIANT AND DELINQUENT ACTIVITIES: HISTORICAL ASPECT

V. F. Lelyukh, L. V. Chvanova

*«Мы должны не только копить мудрость,
но и извлекать из нее пользу».*

Цицерон

Статья посвящена отдельным трактовкам асоциальной девиантности, делинквентности различными классическими школами. Раскрывается исторический аспект, приводятся различные точки зрения. Рассматриваются детерминанты преступности.

The paper is dedicated to the treatment of asocial deviant and delinquent activities by different classical schools. The historical aspect and different points of view are revealed. The determinants of criminality are examined.

Ключевые слова: девиантность, делинквентность, биологические факторы, конформизм, аномия, ретритизм, ритуализм, антропологическая школа, личность преступника.

Keywords: deviant activity, delinquency, biological factors, conformism, anomia, retritizm, ritualizm, anthropological school, personality of criminal.

Проблемы делинквентности – преступности (как крайней формы асоциальной девиантности) всегда привлекали внимание ученых. Криминологи и философы, медики и психологи, педагоги и биологи рассматривали и оценивали различные виды социальной девиантности: преступность, пьянство, алкоголизм, проституцию, наркоманию, самоубийства и т. п. (прим. авторов: *девиантное поведение, девиантность* (лат. *Deviatio – отклонение*) – это:

1) *поступок, действия человека, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) нормам и ожиданиям;*

2) *социальное явление, выражающееся в относительно массовых и устойчивых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам и ожиданиям.*

В первом значении – как индивидуальный акт – девиантное поведение изучается преимущественно криминологией, психологией, педагогикой и другими поведенческими науками. Во втором значении – как элемент социального бытия – девиантность служит предметом социологии и социальной психологии. Криминологи и социологи установили тенденцию: человек тем больше усваивает образцы деструктивного девиантного поведения, чем чаще с ними сталкивается и чем моложе его возраст).

Девиантность и делинквентность – две формы асоциальной девиантности, т. е. негативного (отрицательного) отклонения от нормативного поведения. Но асоциальная девиантность – относительная и мало-значительная форма отклонения, а делинквентность – абсолютная и значительная форма, преследуемая государством с помощью норм действующего уголовного законодательства (делинквент – преступник). Самоубийство, т. е. свободное и намеренное прекра-

щение своей жизни, – это девиация, которая нашим государством не преследуется, так как в России нет уголовной ответственности за суицид, умышленное же лишение жизни другого человека – преступление, предусмотренное 105 статьей Уголовного Кодекса Российской Федерации 1996 года.

Следует сказать, что самой восприимчивой к делинквентности группой является *молодежь*. Девиантное поведение (девиантность) и социальный контроль занимают особое место в структуре социологических и криминологических знаний как специальные теории. Это во многом объясняется необходимостью познания и анализа самых темных сторон поведения и правосознания людей, проявляющих асоциальную направленность личности, которая, как правило, реализуется в форме делинквентности.

При кажущейся ясности понятие *делинквентность (преступность)* в действительности отражает сложное социальное явление и относится к числу наиболее спорных и в социологии, и в криминологии – науке о преступности. Преступность – сложное социальное явление, не имеющее естественных границ (в отличие от алкоголизма, наркотизма или же самоубийств) и определяемое с помощью двух разнорядковых критериев: общественной опасности и предусмотренности уголовным законом (*nullum crimen sine lege* – нет преступления без указания о том в законе). Однако первый критерий весьма расплывчат. Соответственно второму критерию понятие преступности носит конвенциональный (прим. авторов: *«конвенциональный характер» – соответствующий договору (условный, существующий в силу традиции)*).

Под преступностью (делинквентностью) нами понимается *относительно распространенное, исторически изменчивое, негативное социальное явление, разновидность (одна из форм) деструктивной девиантности, достигшей степени общественной опас-*

ности, определяемой законодателем в уголовном законе.

Ученый конца XIX – начала XX века Г. Тард так объяснял психологию социальной девиации. Он сводил все многообразие факторов к адаптированности личности и ее стремлению к выживанию. Г. Тард, характеризуя те или иные социальные явления, в том числе преступность, исходил из разработанной им теории подражания. «Всякие сходства социального происхождения, замеченные в мире общественном, представляют прямые или косвенные следствия подражания во всевозможных его видах: подражания-обычаи или подражания-моды, подражания-симпатии или подражания-повиновения, подражания-обучения или подражания-воспитания, подражания слепого или подражания сознательного», – писал Тард [11, с. 96].

По убеждению Г. Тарда, какова бы ни была организация общества, подражание всюду следует одному закону: оно распространяется от высшего к низшему, действует изнутри наружу. В преступнике Г. Тард видит прежде всего профессиональный тип, который находит себе объяснение, главным образом, в общих законах подражания и приспособления. Человек не рождается преступником, а становится им. Сначала он поддается заразной силе примера, а затем приспособляется к новому положению, которое создается для него фактом совершенного преступления. «Податливая глина наших природных качеств лишь материал, форма которого отливается по социальному образцу» [12, с. 97]. Г. Тард замечает, что, если некогда преступления распространялись от высших классов к низшим, то теперь можно видеть, как преступность распространяется от больших городов в деревни, от столиц к провинции, и как столицы и большие города притягивают к себе всех выброшенных за борт общественной жизни и деревенских, и провинциальных негодяев, которые, по его мнению, стремятся туда с целью цивилизоваться на свой лад. Преступление, по выражению Г. Тарда, хоть и особого рода явление, но все-таки социальное.

Итак, не отрицая социального происхождения преступности, как одного из проявлений социальной девиации, Г. Тард объясняет общественную жизнь в целом и ее процессы действием простых психических механизмов, главным из которых является подражание [12, с. 98].

Социальные отклонения, их проблематика – только часть многообразного комплекса социальных явлений, исследованных в марксизме. К. Маркс, анализируя дебаты Рейнского ландтага по поводу закона о краже леса, «в интересах бедной, политически и социально обездоленной массы» отстаивал концепцию общинного права бедняков. В худшем случае, отмечает К. Маркс, эти действия можно трактовать как проступок, нарушающий полицейские постановления, но никак не в качестве преступления [5]. Заслуживает также внимания трактовка К. Марксом вопроса о профилактике преступлений. Проведенный им анализ дебатов доказал, что «правил балом» на Рейнском ландтаге не «мудрый законодатель», а частнособственнический интерес, разорявший с беспощадной жестокостью крестьян и ремесленников.

В работе «Капитал» К. Маркс приводит убийственную характеристику принципов буржуазной морали того времени: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 % и капитал согласен на всякое применение. При 20 % – он становится оживленным, при 50 % – положительно готов сломать себе голову, при 100 % – он попирает ногами все человеческие законы, при 300 % – нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы» [5, с. 764]. Моральные принципы буржуазного общества XIX века конгруэнтны современной морали российских топ-менеджеров, где стали культивироваться такие принципы, как «человек человеку – волк», «падающего – подтолкни», «каждый за себя – один Бог за всех». Частная собственность, отчаянная конкуренция, рейдерство, борьба «за место под солнцем» – логическое продолжение реализации подобных норм поведения в определенных стратах современного российского общества.

Приведенные примеры лишней раз доказали справедливость утверждений основателей марксизма в социологии, что социальные отклонения при капитализме объективно обусловлены общественными отношениями, как и сами социальные нормы.

В парсонский период развития социологии Роберт Мертон – ученик известного американского ученого Толкотта Парсонса, выдвинул свою версию девиантного поведения и дал классификацию девиантных поступков. На наш взгляд, ее можно считать одной из самых удачных: девиация происходит в результате разрыва между социально одобряемыми целями и средствами их достижения. По Роберту Мертону девиантность выступает как особое нравственно-психологическое индивидуальное и общественное состояние, которое характеризуется разложением системы моральных ценностей и вакуумом идеалов. Основная причина аномии – противоречие между господствующими индивидуалистическими целями и нормами (стремлением к богатству, власти, успеху, выступающим в качестве установок и мотивов личности), существующими институтами, а также санкционированными средствами достижения индивидуальных целей. Внешние давления практически лишают большинство американцев всякой возможности реализовать поставленные цели законными путями. Это противоречие лежит в основе преступности, поскольку преступление – бунт индивидуалиста против оков законов и установленных государством правил, апатии и разочарования в жизни.

Роберт Мертон классифицирует основные ответные реакции на воздействие аномии, т. е. принятие или отрицание людьми целей общества, социально одобряемых способов их достижения, выделяя при этом пять состояний:

– конформизм (тотальное подчинение) – это согласие с целями общества и законными средствами их достижения, недевиантное поведение;

– инновация – предполагается согласие с целями общества, но отрицаются привычные для общества способы их достижения;

– ритуализм – предполагается отрицание целей общества, но согласие (иногда доведенное до абсурда) на использование социально одобряемых средств;

– ретритизм – наблюдается обращение к прошлому и отрицание существующих социально одобряемых целей и средств;

– бунт – полное отрицанием социально одобряемых целей и средств, но в отличие от ретритизма бунт приводит к формированию новых целей и средств. На основе бунта развивается новая идеология, которая создает новые цели и средства [6].

Концепция Р. Мертоня рассматривает конформизм и девиацию как «две чаши одних весов», а не как отдельные категории. И вместе с тем, в ней сделан упор на то, что девиация не является продуктом абсолютно негативного отношения к общепринятым стандартам, как предполагают многие.

Представители западной классической школы в социологии и юриспруденции отражали безраздельное господство *теории свободной воли*, согласно которой человек имеет не обусловленное внешним влиянием и обстоятельствами моральное сознание и *обладает свободной волей к совершению доброго или злого*. Классическая школа изучала преступление как самостоятельное явление, отвлеченное от деятеля, *независимое от свойств и особенностей* натуры преступника.

В противоположность представителям классического направления Западной Европы, многие из русских ученых (В. Спасович, Б. Кистяковский, Н. Сергеевский, Э. Немировский и др.) стояли на позициях детерминизма. Они не отрицали необходимости изучения закономерностей развития преступности, стремились эмпирическим путем выявить причины преступности. Особое внимание уделялось ими изучению статистических материалов. В. Спасович выступал в печати с критическими обзорами ежегодных «Сводов статистических сведений по делам уголовным», сотрудничал в этом с социологическим журналом «Вестник Европы». Такая же позиция прослеживается в работах Н. Таганцева [10]. «Напрасно было бы утверждать, что выводы статистики не колеблют принципа свободной воли... Предполагая разнообразность явлений социальной жизни вообще, мы тем самым *неминуемо предполагаем законообразность отдельного факта*, – писал Н. Таганцев. – А все эти соображения приводят к тому заключению, что все действия человека, с какими имеет дело уголовное право, не произвольны, а подчинены *общему закону личности...*» [10, с. 161].

Антропологическая школа начала свое существование с работы Чезаре Ломброзо «О преступном человеке» [4]. Представители этой школы рассматривали преступление как естественноисторическое явление, *продукт физической и психической организации человека*. Согласно утверждению этой школы, *если субъект наделен известными дефектами в своей организации, то он тем самым побуждается встать*

на путь преступлений. Отсюда понятие «*прирожденного преступника*», как человека, преступность которого обуславливается его дефективным физическим состоянием. Была выдвинута точка зрения, что *преступление имеет своей причиной антропологический фактор: предрасположение индивида к преступлению*.

В России к данному направлению следует отнести работу Н. Неклюдова «Уголовно-статистические этюды» (1865 г.). Он, пытаясь установить природу преступности на примере таких стран, как Франция, Англия, Бельгия и др., *игнорирует не только* социально-экономическую природу преступлений, но *не учитывает* также политических, юридических, хозяйственных, культурных различий государств. *Возраст – вот основная*, по его мнению, *причина преступности*. Возраст с одинаковой силой действует на всех людей, независимо от того, где они живут и к какой социальной группе принадлежат. Корни преступности Р. Неклюдов видел *в индивидуальных возрастных свойствах преступников*.

Среди ученых-антропологов наиболее характерными для данной школы являются выводы В. Чижа, который *отрицал влияние социальной среды на преступность*. Он отрицал связь между материальным положением людей и преступностью, *его не интересовал социальный состав преступников*. По его мнению, *всякий человек, в зависимости от своих способностей, занимает в жизни определенное положение*, на которое претендовал по желанию. Личностными свойствами обусловлена для человека возможность разместиться на ступени той лестницы, вершина которой для него притягательна (прим. авторов: *Наиболее четко его взгляды сформулированы в докладе на торжественном собрании общества русских врачей памяти Н. И. Пирогова. «Преступный человек перед судом врачебной науки» (Петербург, 1894 г.)*).

Среди пропагандистов взглядов Чезаре Ломброзо следует назвать П. Гарновскую, доказывающую с помощью статистики, *что женщины-преступницы и проститутки анатомически отличаются от честных женщин*. Однако, приводя биографические и другие данные исследуемых ею убийц, воровок, проституток, она невольно опровергает точку зрения антропологов, показывает, что обследованные женщины стали преступницами не в силу врожденных свойств, а из-за нестерпимых условий существования. Но в целом она отмечает вырождение, физический и нравственный дегенератизм у преступников [13].

Близких позиций придерживался Д. Дриль, он призывал оказывать государственную помощь трудящимся, особенно детям, попавшим в тяжелые жизненные обстоятельства. Строил проекты освобождения общества от «язв» существования, критиковал за эти «язвы» власть. По словам Д. Дриля, в антропологическом учении его привлекало то, *что оно, отказавшись от априорных методов исследования, сделало личность преступника, его индивидуальность объектом исследования с помощью точных методов естествознания* [3].

Представители социологических школ считали, что впреступности решающую роль играют социальные факторы. Согласно учению социологов, преступность находит себе место среди других явлений социальной жизни.

Социологическое направление в изучении преступности появляется в России в конце 60-х – начале 70-х годов XIX столетия. Среди первых ученых, исследовавших причины преступности, был профессор Московского университета М. Духовской. Его многочисленные исследования с использованием статистических материалов позволили сделать вывод, что преступление не является результатом только свободы воли человека, оно порождается рядом известных постоянных факторов. «Главная причина преступлений, – пишет М. Духовской, – общественный строй. *Дурное политическое устройство страны, дурное экономическое устройство общества, дурное воспитание и целая масса других условий* – вот те причины, благодаря которым совершается большинство преступлений» [1, с. 123]. Он дополнил высказывания Платона, сделанные им свыше 2000 лет назад.

В работах И. Фойницкого и Е. Тарновского раскрываются сущностные черты девиантности. В работе «Влияние времени года на распределение преступности» И. Фойницкий предлагает изучать преступность, а потом решать вопрос об устранении ее причин [16]. По И. Фойницкому *преступление определяется как совместное действие совокупности внешних и внутренних условий*.

Е. Тарновский акцентирует внимание на *влияние внешних условий на преступления*. Он продолжил разработку теории факторов. «Преступление, – писал он, – может быть рассматриваемо как *определенное патологическое состояние индивида, развитие которого в значительной мере обуславливается характером окружающей физической и социальной среды*» [14, с. 63]. Е. Тарновский признает значение биологического фактора преступности, но считает, что этот фактор зависит от общественных условий [15].

Труды С. Гогеля *акцентируют внимание читателя на роли общества, а не государственного аппарата, в борьбе с делинквентными проявлениями и их причинами, с одной стороны, и представление преступника не в качестве объекта воздействия, а в качестве субъекта, самоопределяющейся личности, – с другой стороны*. Исследуя тенденции нового исторического периода, он отмечал, что в прежние времена «*преступника казнили, калечили так, что он становился более неспособным ни к какой деятельности: ни дурной, ни хорошей*». Автор пишет: «Теперь задача другая, теперь *надо обеззараживать и возвращать назад в ряды нормального общества*» [2, с. 172]. Он считал, что *начало XX в. ознаменовано вымиранием репрессии и заменой ее общественными мерами. На общество ложится вина за причины преступлений* и, следовательно, в его руках должна быть сосредоточена борьба с преступностью. Вот почему, позитивно оценивая возможности применения такого прогрессивного в то время вида уголовного наказания, как условное осуждение, он был убежден, что «при назначении этой меры *будущее всецело зависит от усмотрения и воли*

самого осужденного. По словам данного автора, в этом случае «*милость оказывает себе сам преступник...*» [2, с. 254]. С. Гогель отмечал, что преступник – «слабейший представитель общества, его надо не угнетать и позорить, а, наоборот, еще нужно облегчать жизненное его плавание, с которым он и без того справиться не может» [2, с. 253]. История показала, что *гуманистические взгляды российских ученых прошлого века оказались не востребованными* большинством отечественных политиков – все это в дальнейшем привело к кровавым репрессиям.

В науке уголовного права социологическая школа, пришедшая вслед за антропологической, изменила объект и предметную область исследований, сами методы исследований, а также направления собственного развития уголовной социологии [12, с. 8 – 9]. Рассматривая систему науки уголовного права конца XIX – начала XX вв. эта школа включала:

- 1) уголовную социологию (криминологию), состоящую из криминальной социологии, криминальной биологии (или криминальной антропологии из двух отделов – соматологии и психологии);
- 2) уголовную политику (изучение превентивной и регрессивной функций государства);
- 3) уголовную догматику, изучающую юридико-техническую регламентацию преступлений и наказания.

Сторонники социологической школы в уголовном праве взяли за основу детерминистские объяснения преступлений, изучение роли социальной среды и процессов социализации в определении состояния преступности, типа преступлений и личности преступника.

Утвердившийся в XIX в. *логический дедуктивный метод* позволял анализировать, конструировать и систематизировать не сами факты жизни, а «догматический», отвлеченный материал. Оперировали «юридическими фактами»: регламентированными отношениями, нормализованными понятиями, безотносительно к реальным явлениям, отношениям. Формально-логические конструкции и сам дедуктивный логический метод не позволяли углубиться в причины преступлений, раскрыть действительные социальные корни преступности.

Социология позволяла применять выборочный метод, изучать массовидные явления, используя статистическое наблюдение. Уже антропологическая школа в юриспруденции вынуждена была продвигаться к познанию социальных фактов, используя позитивистский метод – систематическое статистическое наблюдение, изучение реальных явлений.

Социологическая школа, опираясь на концепцию детерминизма, не отрицала роль дедуктивных приемов, необходимых для обобщения. Однако только на опыте и наблюдениях позитивистам не удавалось вскрыть природу явления, показать его внутреннюю противоречивость, взаимозависимость во взаимодействии с другими явлениями в процессе собственного развития. Позитивный метод в этом отношении был невосполнимо ограниченным методом. Последствием этого были эклектизм, фрагментарность, хотя сторон-

ники данного метода признавали, что преступление – социальное явление.

Основными требованиями к методу сторонники социологической школы считали его соответствие природе тех явлений, которые познаются, и возможность охватить, исследовать круг явлений, которые в итоге можно было бы объяснить в рамках единого подхода и принципа.

Социологический подход в юриспруденции формировался на основе использования диалектического метода, предусматривающего в объяснении обусловленность явлений социально-экономическими факторами и опирающегося на признание внутренней противоречивости самих явлений и процессов.

Другой разновидностью социологического подхода была психологизация явлений правосознания, правовых отношений и поведения людей.

Попытки рассмотреть возможности диалектического метода в уголовной социологии мы находим в работе Х. Чарыхова. Используя материалы из публикаций таких известных ученых, как М. Гернет, П. Лафарг, Ф. Лист, К. Маркс, Н. Таганцев, Г. Тард, Е. Тарновский, И. Фойницкий, М. Чадов, М. Чубинский, И. Янжул и др., Х. Чарыхов показывает, что преступность как социальное явление может быть описана и объяснена на основе социологического подхода и диалектического способа познания.

Он предлагает более широко трактовать социальные факторы, по сравнению с известной тогда «теорией факторов», включающей физические влияния на человека в среде его обитания. Как приверженец марксизма, автор делает акцент на общественной приспособляемости человека в борьбе за существование и роли способов производства, производственных отношений в обеспечении этой общественной приспособляемости.

Диалектический способ изучения преступности предполагает учет комплекса общественных и индивидуальных условий существования и развития человека.

Представители мировой социологической школы (Ф. Лист, Г. Тард и др.) обращали внимание на *индивидуальные факторы* преступности («происхождение, воспитание, образование, возраст, пол, семейное положение, физические и психические свойства преступника») и на *социальные факторы*, к которым относили «расу и религию, город и деревню, профессию, алкоголь, проституцию, экономическое и социальное положение». В противовес этим утверждениям Х. Чарыхов обширным эмпирическим материалом доказывает, что не раса или религия и не генетическая наследственность толкают людей на путь преступлений, а социальная обстановка.

Социологический концептуальный подход позволял увидеть скрытые пружины движения преступности, ее рассредоточения на территориях и различных уровнях социальных связей. Именно социальным характером и экономической обусловленностью преступности сторонники социологической школы объясняют *специфику городской и сельской преступности*, типы преступлений.

Агрессивная экономическая среда, несносные жилищные условия, отсутствие источников для существования делают человека неприспособленным и неспособным к правовым формам взаимодействия с обществом. Эти первичные причины порождают алкоголизм, проституцию и другие асоциальные пороки, отягощающие преступное поведение.

Однако не следует трактовать социологический подход как полное отрицание логического метода и роли индивидуально-личностных или формально-типологических характеристик преступников.

Социология предлагала как приоритетное направление борьбу с предпосылками, которые обуславливали и причину данного явления, и его специфику, сферу распространения. Не менее важными признавались *проблемы социальной гигиены, профилактики правонарушений*.

Наряду с решением общих проблем конкретными задачами признавались наказания тех, кто совершил преступления, поскольку функция правосудия в обществе – обеспечить личную безопасность людей, оградить их интересы от посягательства со стороны незаконопослушных граждан, восстановить справедливость.

Ежедневной практике приходится считаться не с преступностью, не с явлениями, а с самим преступником, со всем разнообразием особенностей его личности. «Проникаясь сознанием «коллективной вины» в преступлении субъекта, – пишет Х. Чарыхов, – правосудие все же обязано оградить интересы потерпевших. Последнее обстоятельство и приводит нас к неизбежной организации паллиативно-компромиссной системы борьбы. В интересах же этой борьбы является особенно важным... больше уделять внимания личности преступника, на голову которого целиком рухнет вся тяжесть общественной вины. Последнее же требует различения преступников по типичным признакам их личности, которые и дают классификации, предлагаемые сторонниками социологической школы» [19, с. 145 – 146].

В работе Х. Чарыхова *основное внимание уделяется проблемам эффективности уголовной политики.* Х. Чарыхов выделяет «ближайшую» и «конечную» политику. Ближайшая политика имеет дело с последствиями; конечная, напротив, устраняет причины правонарушений.

Такой подход актуален, он разрабатывается и в современной литературе. Принципы конечной уголовной политики Х. Чарыхова вызывают аналогии с программами профилактического воздействия на преступность (1960 – 1980-е гг.). Ближайшая уголовная политика рассматривается Х. Чарыховым как компромиссная. Он признает необходимость максимального использования возможностей «конечной», т. е. радикальной, социально-политической борьбы с преступностью. Автор выделяет также проблему неприспособленности (в современной терминологии – социальной дезадаптации) в качестве важнейшей причины преступного поведения. «Чем лучше и обеспеченнее благосостояние индивида, тем лучше он организован для борьбы за существование и, следовательно»

но, приспособлен к социальной жизни. В сфере общественного взаимодействия возникает столкновение интересов общества с интересами неприспособленного субъекта. В этом случае появляются уголовно-правовые отношения», – утверждает Х. Чарыхов [19, с. 116].

Таким образом, Х. Чарыхов определяет *преступление как неприспособленные действия человека в борьбе за существование*. В русле этого представления предлагаются и методы социального контроля. По мнению Х. Чарыхова, борьба с причинами правонарушений есть борьба с низким уровнем жизни и культуры, с алкоголизмом, пауперизацией, а также с неуравновешенностью и грубостью.

М. Чубинский предлагает разработку многих традиционных проблем социального управления, контроля над правонарушениями [20]. Автор считает необходимым активнее использовать данные социологии, антропологии и криминологии для разработки комплексных мер контроля над уровнем преступности. По мнению М. Чубинского, уголовное право как научная дисциплина часто игнорирует реальную, социальную сторону проявлений преступности, ограничиваясь их формальной, юридической стороной. М. Чубинский считал карательные методы воздействия лишь верхушкой айсберга, решение проблемы правонарушений он предлагал начинать с постановки общих задач. Например, признавал важным проработать вопрос о том, *в каких случаях вообще уместен государственный запрет*, что именно следует рекомендовать законодательно *при установлении демаркационной линии между преступным и не преступным*. Игнорирование этой проблемы приводит к дисбалансу, когда интенсивное применение наказания лишь увеличивает тенденцию к преступлениям.

М. Чубинский указывал на *утопичность цели полного уничтожения преступности*, но в то же время уменьшение ее уровня считал вполне решаемой задачей. В качестве основного метода контроля над противоправным поведением предлагалось воздействие на криминогенные факторы, построенное на всестороннем систематическом их изучении.

В первые годы после октябрьского переворота 1917 г. продолжали научную и педагогическую деятельность многие представители отечественной науки. Работа А. Жижиленко (Преступность и ее факторы. – Пг., 1922) построена на выявлении причин, делающих традиционные методы контроля над преступностью малоэффективными. Автор предлагает такую последовательность действий в отношении криминогенных факторов: выяснение корней антисоциальных явлений; нейтрализацию причин таких явлений; установление противодействия извне делинквентному поведению; устранение из правовой системы таких норм, которые, вместо того чтобы искоренять стимулы к совершению преступлений, создают их; ослабление опеки над личностью; сведение к минимуму различных оков и стеснений, оправдываемых интересами государства; наведение порядка в тюрьме, разумная организация отбывания наказания; попечение над лицами, освободившимися из пенитенциарных учреждений (прим. авторов: *пенитенциарный* –

лат. – «раскаяние») – *связанный с тюремной системой, относящийся к уголовному наказанию*).

Тема исправительных пенитенциарных учреждений поднимается в работе Б. Кистяковского [21], который анализирует постановку *общественного контроля*, реализацию идей попечения над правонарушителями, практическую деятельность специализированных обществ, созданных после принятия в 1866 году закона «Об основании исправительных заведений для преступных детей». Общий вывод Б. Кистяковского из анализа теоретических и практических аспектов исправительного воздействия на несовершеннолетних преступников: правильно устроенная система исправления малолетних без правильно организованной системы покровительства по выходе должна быть признана неудачной полумерой.

Проблема наказания за совершаемые противоправные действия, его эффективность и влияние на судьбу людей в дальнейшем были в центре внимания ученых, практиков, общественных деятелей конца XIX – начала XX вв. «Наказующие себя должны раньше исправить, чем наказывать других; они должны, так сказать, свою собственную совесть отправить в пенитенциарное заведение прежде, чем брать себе право подвергать других насильно разным лишениям в целях исправления», – писал А. Гольденвейзер [2, с. 117].

Дополняя друг друга, исследователи подготовили почву для дальнейшего развития и применения теории девиации в практике изучения и регулирования девиантного поведения, в том числе – осужденных, преступников (делинквентов).

Государство воздействует на сознание большинства правопослушных граждан и удовлетворяет соответствующую потребность посредством методов повышения правовой культуры, но для формирования социального заряда лиц с девиантным поведением, содержащихся в местах лишения свободы, в рамках осуществления именно государственной функции, аналогичная задача решается посредством организации и функционирования пенитенциарной системы.

Объяснение общественного и политического внимания к уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системе и ее учреждениям следует искать в природе этой системы, востребованной при любом политическом режиме и в ее социальном назначении. Общество заинтересовано в профессионально компетентном осуществлении контроля над социальными девиациями и своевременной ревизии их, классификации на допустимые и недопустимые, соответствующие законам и социальным нормам общественной жизни и не соответствующие.

Пенитенциарная система обеспечивает выраженное в судебном порядке отношение общества к социально не одобряемому поведению и принуждение к прекращению преступного (делинквентного) поведения.

Любое государство, в том числе и российское, преимущественно базируется или должно базироваться на принципе «социальности» выполняемых им функций.

Социальность в данном случае следует понимать как ориентацию любой деятельности, осуществляемой в рамках государственной власти, реализующей множество общественных потребностей конкретного гражданина и социума в целом. В уголовно-правовой сфере потребности общества однозначны и определены конкретно. Они сводятся к желанию жить и работать в государстве с низким уровнем преступности, внутренне осознанному и общественно-необходимому требованию: реализовать принцип неотвратимости наказания преступников.

Позиция Мишеля Фуко в отношении государства как субъекта, ответственного за снижение уровня делинквентности в обществе, представляет наибольший интерес [17]. Он видит в тюрьме образ общества, которое все в большей мере озабочено надзором и наказанием. Тюрьма подчинена той же абсолютной власти, которая удушает в обществе всякие попытки к позитивным действиям. В заключенных люди видят только нарушителей порядка, тех, кто должен быть исключен.

«Тюрьма подобна строгой казарме, школе без побряжек, мрачной мастерской; в определенных рамках она качественно отличается от них. Это двойное обоснование – юридическо-экономическое и технико-дисциплинарное – делает тюрьму самой адекватной и цивилизованной формой наказания», – пишет Мишель Фуко [17, с. 340].

Становление теории происходило через доказательство того, что социальная девиация детерминирована (прим. авторов: *Детерминация преступности – процесс определения всеобщей взаимосвязи, взаимодействия всех объектов, вещей, явлений между уровнем преступности и явлениями окружающего мира*), а это, в свою очередь, приводило к необходимости поиска причин этого явления. Несмотря на широкий спектр мнений о причинности социальной девиации и в особенности ее крайнего проявления – преступности, доминирующей была точка зрения о важности социальных факторов.

Литература

1. Временник Демидовского юридического лица. – Кн. 4. – Ярославль, 1873.
2. Гольденвейзер, М. Преступление – как наказание, а наказание – как преступление / М. Гольденвейзер. – СПб, 1901. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [пер. с фр.] / М. Фуко; ред. И. Борисова. – М.: Ad Marginem, 1999. – 479 с.
3. Дриль, Д. Малолетние преступники / Д. Дриль. – М., 1888. – Т. 11. – С. 71 – 82.
4. Ломброзо, Ч. Преступление / Ч. Ломброзо; пер. Г. Н. Гордона. – СПб, 1900.
5. Маркс, К. Оправдание мозельского корреспондента / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 1. – С. 187 – 217.
6. Мертон, Р. К. Социальная структура и аномия / Р. К. Мертон // Социс. – 1992. – № 3. – С. 104 – 114 (начало в № 2 за 1992 г., с. 118 – 125; окончание в № 4 за 1992 г., с. 91 – 97; Это глава из его книги «Социальная теория и социальная структура»). – N. Y. – L., 1968.
7. Новгородцев, П. Идея права в философии В. С. Соловьева / П. Новгородцев. – М., 1901.
8. Новгородцев, П. Очерки философии права / П. Новгородцев. – СПб, 1900; Новгородцев, П. Мораль и познание / П. Новгородцев // Вопросы философии и психологии. – Кн. 64. – М., 1902; Новгородцев, П. Об общественном идеале / П. Новгородцев. – М., 1917; Новгородцев, П. Психологическая теория права и философия естественного права / П. Новгородцев // Юридический вестник. – 1913. – Т. 3; Кистяковский, Б. Социальные науки и право / Б. Кистяковский. – М., 1916; Кистяковский, Б. Сущность государственной власти / Б. Кистяковский. – Ярославль, 1913.

Современная криминология (прим. авторов: «криминология» – от лат. «*crimen*» – преступление, «*logos*» – учение – наука о преступлении, в широком смысле – о преступности) называет *основные* как более характерные *детерминанты* (причины и условия) преступности как систему негативных экономических, политических, демографических, психологических, социальных, правовых, организационных явлений и процессов, которые порождают и способствуют развитию асоциальной девиантности в ее крайне отрицательном проявлении – делинквентности.

В контексте настоящей статьи необходимо обратить внимание и на инакомыслие как одну из детерминант в тоталитарных государствах. В правовых государствах разрешено все, кроме запрещенного, в тоталитарных – запрещено все кроме разрешенного.

Государство, законодатель должны проявлять терпимость к инакомыслию, люди между собой – уважение к жизни, достоинству личности, свободе и независимости другого. Инакомыслие и только оно может способствовать появлению конструктивных, неординарных, оперативных решений и тем самым обеспечить представительство бесконечного множества интересов людей: социально-политических, хозяйственных, религиозных, философских и др. [8].

Русские ученые В. Соловьев, Л. Петражицкий, Б. Чичерин, П. Новгородцев, Б. Кистяковский и др. утверждали: *если в законах нет общечеловеческих ценностей, которые только и делают закон всеобщим и необходимым, нет ничего постоянного и передаваемого из поколения в поколение, то их можно менять, как угодно – вплоть до полного беззакония.*

«Когда отвергают право в самой идее, называя его насилием, то имеют в виду право как порождение силы и произвола и забывают право как выражение справедливости и свободы, то право, которое издавна вдохновляло на подвиг и борьбу и которое всегда почиталось просвещенными людьми», – писал П. И. Новгородцев [7, с. 215]. Вместе со своими единомышленниками он выступал против распространения в России правового нигилизма.

9. Соловьев, В. Оправдание добра / В. Соловьев. – СПб, 1897; Новгородцев, П. Очерки философии права / П. Новгородцев. – СПб, 1900.
10. Таганцев, Н. Русское уголовное право: часть общая / Н. Таганцев. – СПб, 1902; см. также: Таганцев, Н. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и проект законоположений по этому вопросу / Н. Таганцев. – СПб, 1871; Кистяковский, Б. Сущность государственной власти / Б. Кистяковский. – Ярославль, 1913; Сергеевский, Н. Наказание в уголовном праве XVII в. / Н. Сергеевский. – СПб., 1887; Немировский, Э. Задачи по уголовному праву / Э. Немировский. – Одесса, 1910; Немировский, Э. Отношение приговора к обвинению / Э. Немировский. – Одесса, 1906; Гернет, М. Н. Социальный фактор преступности / М. Н. Гернет. – М.: Университетская тип., 1905. – 203 с. – (2-е изд. – 1906. – 210 с.).
11. Тард, Г. Законы подражания / Г. Тард. – СПб, 1892.; См. также: Болдырев, Н. Подражание как социологическое понятие / Н. Болдырев // Вестник психологии. – 1907. – Вып. 5. – С. 183 – 195.
12. Тард, Г. Преступник и преступление / Г. Тард; пер. Е. В. Выставкиной; под ред. М. Н. Гернета. – М., 1906. – XX. – 324 с. – М., 1906.
13. Тарновская, П. Новые работы по криминальной антропологии: доклад на секции русского общества охранения народного здоровья (27 декабря 1891 г.) / П. Тарновская. – СПб., 1892.
14. Тарновский, Е. Изменение преступности в различных общественных группах / Е. Тарновский // Юридический вестник. – 1889. – № 5.
15. Тарновский, Е. Преступность малолетних в Западной Европе / Е. Тарновский. – СПб, 1899; Тарновский, Е. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступности в России / Е. Тарновский // Журнал министерства юстиции. – 1898. – № 8.
16. Фойницкий, И. Влияние времен года на распределение преступности / И. Фойницкий // Судебный журнал. – 1873. – № 1 – 2.
17. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [пер. с фр.] / М. Фуко; ред. И. Борисова. – М.: Ad Marginem, 1999. – 479 с.
18. Kressel, N. Mass Hate: The Global Rise of Genocide and Terror / N. Kressel // Plenum Press. – 1996.
19. Чарыхов, Х. М. Учение о факторах преступности: социологическая школа в науке уголовного права / Х. М. Чарыхов. – М., 1910.
20. Чубинский, М. П. Курс уголовной политики / М. П. Чубинский. – СПб., 1912.
21. Кистяковский, Б. А. Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обзором русских учреждений / Б. А. Кистяковский. – Киев, 1878.

Информация об авторах:

Лелюх Владимир Федорович – доктор социологических наук, профессор по кафедре специальных юридических дисциплин, профессор кафедры уголовного права и процесса Кемеровского института (филиала) РГТЭУ, 8-903-071-67-75.

Vladimir F. Lelyukh – Doctor of Sociology, Professor, Professor at the Department of Criminal Law and Procedure, Kemerovo Institute (branch) of the Russian State University of Trade and Economics.

Чванова Любовь Владимировна – заместитель начальника территориального управления Заводского района администрации города Кемерово, заместитель председателя комиссии города Кемерово по делам несовершеннолетних и защите их прав по Заводскому району, Почётный работник общего образования Российской Федерации, 8-903-941-07-44.

Lyubov V. Chvanova – Deputy Head of Territorial Administration of Zavodskiy district of Kemerovo City, Deputy Chairperson of the Commission on Minors' Affairs and Protection of Their Rights in Zavodskiy district of Kemerovo City, Honorary Worker of General Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редколлегию 27.01.2014 г.